

Самое яркое воспоминание в жизни

- *Наташа, здравствуй! Расскажи, пожалуйста, про 1962 год. Точнее, про август 1962 года.*

- В 1962 году мне было 6 лет. Самое моё яркое воспоминание детства, да и вообще в жизни – это прилёт папы из космоса. Представь, мы живём в коммунальной квартире, из утвари - пара кастрюлек, несколько тарелок, вилки да ложки. Всё очень скромно и бедно. Однажды папа уезжает в командировку (как теперь я уже понимаю, на Байконур), а мы с мамой остались на хозяйстве. Тогда все передвижения космонавтов держались в секрете, и даже их жёны только догадывались, куда уезжают мужья. Как-то мы с мамой приходим домой, а там врезан новый замок. Ключей у нас, естественно, нет. Как потом выяснилось, соседи по коммуналке уехали отдыхать на море, врезали новый замок, а ключи нам не оставили. Что делать? Мама позвонила в военную часть, и нас привезли в общежитие Зелёного городка (так раньше назывался Звёздный). Общежитие мне очень понравилось, главным образом, из-за телевизора, который я видела первый раз в жизни. Не помню, сколько прошло времени, но как-то раз по телевизору, который я смотрела часами, показали фотографию дяди Андрияна Николаева. Его фотографии показывали целый день, естественно, я не понимала, что там говорят, но искренне радовалась и всем рассказывала, что я знаю этого дядю. В очередной раз, я смотрю телевизор, и вдруг показывают фотографию нашей семьи: маму, папу и меня. Я всё поняла: на телевидении ошиблись. И побежала рассказывать маме об ошибке. Как сейчас помню, мама стоит на лестничной клетке с каким-то дядей, и я с криком: «Мама, мама, в телевизоре ошиблись: нашу фотографию показывают!», несусь к ней. А в это время этот незнакомый дядя говорит маме: «Марина Лаврентьевна, мужайтесь: Ваш муж на орбите!». Мама взяла меня на руки, отнесла в комнату и начала объяснять, что папа полетел в космос, что это выше, чем летают самолёты. Я всё поняла, что папа летает где-то высоко, но больше всего мне понравилось слово «орбита», значение которого я до конца не понимала. Папу потом во всех новостях показывали по телевизору, он постоянно улыбался, и как мне казалось, только мне, и

я тогда посвятила ему стихотворение – мой первый «литературный» труд.

*Летит мой папа на орбите,
Летит он очень высоко.
Он улыбается счастливо,
Но ему, я знаю, нелегко*

Потом это моё четверостишие опубликовали в «Огоньке».

Всё время, пока папа летал, мама вязала, чтобы отвлечься и не думать о невероятнейшем риске, котором он подвергнулся. К концу полёта мама связала целую кофту.

Вокруг нас жизнь изменилась, как в волшебной сказке. Если раньше нас никто не знал, не замечал, то теперь мы постоянно были в объективах телекамер, нас окружало необычное множество фото- и кинорепортёров, мама постоянно давала интервью журналистам. Кстати сказать, через 12 лет, в 1974 году, после второго папиного полёта, те же журналисты брали интервью и фотографировали. А один из них, глядя на тебя, мою младшую сестру Оксану, которой в то время, как и мне при первом папином полёте, было 6 лет, сказал, обращаясь к маме: «Послушайте, Ваш ребёнок не вырос что ли?». Настолько мы в детстве были похожи.

Итак, для меня время тянулось очень медленно, и мне казалось, что папа был в космосе несколько месяцев, а на самом деле всего несколько дней, которые перевернули всю мою жизнь.

Наконец, нам сказали, что папа благополучно приземлился. А как раньше встречали космонавтов? На Красной площади, всем миром!

Для встречи космонавтов из всех деревень Украины, Чувашии и Белоруссии собрали всех наших родственников и родственников Андрияна Николаева. А как же эту крестьянскую голытьбу поставить на Мавзолей, почти в лаптях? И тут нас всех повезли в знаменитую «200»ую секцию ГУМА, в которой одевались первые леди страны. Это, конечно, была просто сказка. Так как ни у кого не было денег, чтобы заплатить за ТАКИЕ наряды, то все приобретения были розданы бесплатно. Помню, у мамы было такое розово-бежевое платье с косичкой на груди, ну уж у меня был самый красивый костюм всех времён и народов: «матросский костюм». Мне он так нравился, что даже ночью я отказывалась его снимать: так и засыпала в нём.

И вот наступил день встречи папы. Мы поехали встречать его во Внуково. Как мы ехали, я не помню: помню только сам аэродром. Прямо на лётном поле построили помост для родственников и членов Правительства, к которому от трапа самолёта была постелена ковровая дорожка.

И вот мой папа с дядей Андрияном в парадной военной форме спускаются по трапу на ковровую дорожку под звуки торжественного марша. Папа такой молодой, худенький, но очень серьёзный и красивый.

Потом они подошли к микрофону, который стоял прямо перед помостом, и стали рапортовать Первому секретарю ЦК КПСС Никите Сергеевичу Хрущёву и другим официальным лицам о проделанной работе и благополучном завершении полёта. Затем все стали целоваться, поздравлять папу и дядю Андрияна. А я без отрыва смотрела на папу снизу, пытаюсь поймать его взгляд. Но он как будто бы меня не замечал, и, как мне показалось, не узнавал. Тогда я подошла к нему, подёргала его за штанину и сказала: «Папочка, это я, твоя Наташа. Неужели ты меня забыл?».

Папа посмотрел на меня отрешённо, взял меня на руки, но всё равно мне казалось, что он какой-то не такой, какой-то чужой. И уже через много лет я у него спросила, почему же ты тогда на аэродроме не кинулся ко мне, не поцеловал, ничего не сказал, а я, ведь, тебя так ждала, так переживала. На что он мне ответил: «Господи, Наташенька, я не то, чтобы кинуться, я посмотреть на тебя боялся. Я, как увидел тебя ещё сверху, стоя на трапе самолёта, такую маленькую, родную, с огромным бантом, в белых кудряшках, у меня, как ком в горле встал: я просто боялся заплакать! Что же это за герой такой, который плачет?».

Потом мы вместе с папой, мамой и дядей Андрияном ехали в открытой машине по Ленинскому проспекту. Они стояли, приветствуя москвичей, а мы с мамой сидели сзади. Народ ликовал: вдоль всего проспекта стояли люди, выкрикивая лозунги «Слава космонавту 3!», «Слава космонавту 4!», держали в руках самодельные плакаты, сверху летели какие-то листовки, люди высывались из окон домов, стояли на крышах – это был настоящий праздник!

И вот мы на Красной площади. Папа и дядя Андриян стоят на Мавзолее, на самом верху вместе с Правительством, а мы с мамой

вместе с родителями космонавтов стоим ниже, с правой стороны. Конечно, мне хотелось наверх, к папе, и, видимо, Никита Сергеевич Хрущёв это почувствовал, спустился вниз и попросил маму: «Марина Лаврентьевна, разрешите Наташе подняться к нам». А мама, совсем молодая (ей тогда был 31 год), настолько растерялась, так как никогда не общалась на таком уровне, что она ущипнула меня и прошептала: «Скажи, большое спасибо, я не хочу». На что я сказала: «Дорогой Никита Сергеевич! А почему мама щиплется!» Мама покраснела и в ту же секунду, отпустив меня, сказала: «Пожалуйста, пожалуйста...», и я побежала наверх, к папе.

Для меня всё это было интересно и необычно: огромная площадь, полная народу, как на ладони. Все смотрят на папу, на дядю Андрияна, и, конечно же, на меня, скандируя «Ура!». Тут прибежали пионеры и подарили всем по огромной коробке шоколадных конфет. Мне, естественно, достались две коробки: моя и папина. Так как мамы рядом не было и, некому было меня остановить, я начала их быстро «уплетать» за обе щеки: а вдруг отнимут? Это ведь не гороховый, мною ненавистный супчик из детского сада, а целых две коробки шоколадных конфет! Это было счастье. Папа мне сказал, что не прилично у всех на виду жевать. Поэтому я наклонялась, засовывала конфету в рот, в это время огромный бант оставался выше края трибуны Мавзолея и на глазах у изумлённой публики предательски трясся, а я потом, дожевывая, как ни в чём не бывало, выпрямлялась и помахивала рукой, так же, как и папа, приветствуя демонстрантов. А мне очень хотелось посмотреть на часовых, которые стояли у входа в Мавзолей. И мне пришла в голову мысль: уронить значок, который мне прицепили пионеры, прямо под ноги часовым. Что я и сделала. Значок упал около одного из них, я быстро побежала вниз, чтобы никто не успел меня остановить, и, подбежав к часовому, начала снизу пристально смотреть ему в лицо - мне ужасно хотелось узнать: моргают они или нет. Я не знаю, сколько я стояла и на него смотрела, но он не моргал. Наконец, сверху страшным шепотом, после которого я сразу же вспомнила тот огромный, мой «любимый» ремень, папа приказал: «Поднимайся быстро наверх!». Я тут же помчалась к нему. Потом с кем-то из членов Правительства на трибуне я пела песни, читала стихи, то есть веселилась в своё удовольствие, по полной программе. Как потом рассказывала одна мамина приятельница,

которая смотрела всё по телевизору, что она не могла ни на кого смотреть, кроме как на меня.

После демонстрации нас повели в Георгиевский зал Кремля, на банкет в честь прилёта космонавтов. Как ты думаешь, кто бежал первый везде? Конечно я, а за мной Никита Сергеевич, члены Правительства, космонавты, родственники и все остальные приглашённые. Всё, что я помню - это огромный зал, на столах яства, которых мы никогда не видели: как в том четверостишии – ананасы, рябчики и другие экзотические продукты. Но мне так и не удалось ничего этого попробовать, так как, по-моему, я заснула, переполненная эмоциями, прямо в зале.

Надо же, я, ведь, не помню, что со мной происходило позавчера, а этот день помню от начала и до конца. Сейчас я думаю, что это был самый счастливый и самый длинный день в моей жизни...

*Интервью у Березной (Попович) Натальи
взяла Попович Оксана*